

УДК 94(430):37

UDC 93/94 94(430):37

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ГЕРМАНИИ В ПЕРИОД НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА (1933–1939)¹**TRANSFORMATION OF SOCIAL-POLITICAL FUNCTIONS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF GERMANY IN THE PERIOD OF NATIONAL-SOCIALISM (1933–1939)****В. А. Сакович,***аспирант кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка***V. Sakovich,***Postgraduate Student of the Department of General History and Methods of Teaching History, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank*

Поступила в редакцию 14.02.20

Received on 14.02.20

В статье рассматриваются социально-политические функции высших учебных заведений Германии в условиях нацистской диктатуры. Выявлены причины быстрого проникновения национал-социалистической идеологии в систему высшего образования. Ключевые политические события в стране проанализированы с точки зрения участия в них немецкого студенчества и университетских преподавателей. В основу исследования положен анализ широкого круга источников и литературы, включая законодательные акты и воспоминания современников тех событий.

Ключевые слова: Третий рейх, национал-социализм, система высшего образования, университеты, студенчество, унификация, НСДАП.

The article considers the social-political functions of higher educational institutions of Germany in the conditions of Nazi dictatorship. The reasons of fast penetration of national-socialistic ideology into the system of higher education are revealed. The key political events in the country are analyzed from the point of view of participation of German students and university teachers. The base of the research is the analysis of wide circle of sources and references including legal acts and memories of the contemporaries of that time.

Keywords: the Third Reich, national-socialism, system of higher education, universities, students, unification, NSDAP.

Введение. Из всех тоталитарных режимов XX в. нацистская Германия выделялась наиболее сильными притязаниями государства на все сферы общественной жизни. Огромное значение в Третьем рейхе придавалось духовным ценностям, особенно тогда, когда они могли служить пропагандистским целям. По этой причине руководство страны прилагало значительные усилия в деле реформирования сферы образования и науки, отводя им важную роль не только в деле воспитания немецкой нации, но и в формировании «народного сообщества».

Уже с конца 1940-х гг. стали появляться работы по истории нацистской Германии, в рамках которых нашли отражение практически все сферы жизнедеятельности немецкого государства и общества в 1933–1945 гг. Одной из наиболее разработанных тем и в отечественной (включая советскую), и в зарубежной историографии является политика национал-социализма в области культуры. В то же время научные знания о системе высшего образования по-прежнему остаются не вполне систематизированными, особенно в белорусской и российской историографии.

Среди работ общего характера, в которых данная тема рассматривается вскользь, как «вспомогательное средство» и сопутствующий сюжет, можно выделить исследования Х.-У. Велера, Е. А. Паламарчука, О. Ю. Пленкова, Г. Кноппа, Дж. Моссе, Р. Эванса [1–6]. Авторами более узконаправленных трудов, рассмат-

ривающих нацификацию высших учебных заведений и студенчества, ее роль в общей перестройке государственной системы, являются М. Штолляйс, К. Кунц, А. Нагель, Х. Титце, Х. Хайбер, М. Груттнер, У.-Д. Адам, Д. Лангевише и Х.-Э. Тенорт [7–16]. Несмотря на обилие зарубежных трудов по заданной теме, на территории стран постсоветского пространства таковые фактически отсутствуют, и, как следствие, научное знание о системе высшего образования в Третьем рейхе весьма ограничено. На данный момент издано лишь около двух десятков статей и подготовлено несколько диссертаций, посвященных, как правило, общему положению образовательной политики (системы) или ее отдельным компонентам. Все вышесказанное стало побудительным мотивом для подготовки настоящей статьи.

Основная часть. Лидеры нацистской Германии в полной мере понимали важность университетского сообщества, если говорить точнее, то его необходимость для успешной нацификации общественной жизни и с помощью которого им удастся построить свое расово-утопическое государство. Не последнее место в его создании занимала правильная идеологическая и политическая подготовка, в том числе будущих деятелей науки, образования и культуры, которые кроме прямого выполнения своих профессиональных функций несли в массы и «научный», или «рациональный», национал-социализм.

Главной целью образовательной политики Третьего рейха, как и всей политики, связанной с культурой, было создание монолитного общества с едиными моральными идеалами, основанными на национал-социалистическом учении. Для этого с первых дней существования нацистского государства реализовыва-

¹ Статья написана в рамках темы НИР «Разработка научно-теоретического и методического обеспечения образовательного процесса по истории в условиях модернизации педагогического образования на компетентностной основе», выполняемой на кафедре всеобщей истории и методики преподавания истории БГПУ.

лась политика нацификации и унификации всех сфер общественной жизни.

Высшее образование в данном случае играло важную роль, если принять во внимание его социальную функцию. Именно через нее «новые лидеры» реализовывали свои духовные пиритизации на гегемонию в общественной и культурной жизни. Гитлер не раз подчеркивал в своих речах важность идеологической работы над духовным обликом нации: «Тем, кто ныне относится к этому пренебрежительно, я хотел бы напомнить, что особенно если они сами были солдатами, о героической эпохе, когда поступками людей управляли идейные мотивы... В связи с этим возникает еще большая необходимость противопоставления бытия материальной республики вере в идеальный рейх» [5, с. 21].

Поскольку одной из составляющих социально-политической функции нацистского государства являлось установление полного контроля над обществом, то на начальных этапах существования НСДАП главной задачей в идеологическом плане была его политическая мобилизация. В высшем образовании это реализовывалось через «заигрывание» с националистическими и консервативными настроениями посредством нагнетания страха перед коммунистической угрозой¹. Собственно, в отношении вузовского сообщества сделать это было не сложно, учитывая тот факт, что студенчество в своей основе являлось выходцами из высших и средних слоев населения, отнюдь не отличавшихся приверженностью демократическим идеалам в их современном понимании. Как правило, студенческий костяк формировался выходцами из знати, чиновничества, духовенства и богатых бюргеров. Так, среди членов студенческих корпораций около 60 % происходили из мелкобуржуазной среды. Если быть конкретнее, то 46,2 % студентов были детьми чиновников, 24,7 % – торговцев, а 11,3 % – служащих разного ранга [18, с. 11, 12; с. 28, 29]. Что касается педагогических университетских работников и ученых, то их, выражаясь современным языком, можно отнести к «среднему классу». Причем маленькое жалование в купе с присущим ему консервативным духом отнюдь не делало их сторонниками «первой немецкой демократии». В Веймарской республике из-за постоянных сокращений финансирования университетов жалование профессоров стало мизерным: если до Первой мировой войны оно было приблизительно в 7 раз больше, чем у неквалифицированных рабочих, то после – только вдвое [3, с. 39].

Винить лишь «закостенелость», консерватизм и монархические настроения вузов в относительно быстрой нацификации немецкого студенчества представляется, на наш взгляд, поспешным. Не последнюю

¹ Многие немцы испытывали скептицизм в отношении российских большевиков, особенно после переворота 13 апреля 1919 г., проведенного Е. Левине и его сторонниками в Мюнхене, где начался «красный террор»: закрывались газеты, конфисковались произведения, драгоценности и недвижимость, начались аресты неугодных лиц. В самих грабежах также участвовали представители общества Туле, позже приписывая свои «достижения» красным. В конце концов, баварский добровольный корпус при помощи прусских и вюртембергских военных соединений численностью в 15 000 чел. к 4 мая после ожесточенных боев сверг красное правительство, попутно с этим расстреливая всех, кто подозревался в связях с коммунистами. Именно «Мюнхенский опыт» в немалой степени отвернул немцев от коммунистов [17, с. 143–147].

роль в политической радикализации студенческих объединений сыграло их тяжелое финансовое положение, так как в 1923 г. треть студентов совместно с учебой вынуждена была работать. По подсчетам Ю. Шварца, на 1921 г. месячный доход ниже прожиточного был как минимум у 73,1 % студентов Франкфурта-на-Майне, 72,6 % студентов Дармштадта, 81,1 % студентов Лейпцига и 61 % студентов Мюнхенского университета. При этом вполне логично будет допустить, что в остальных вузах Германии ситуация обстояла не лучшим образом и весьма маловероятно, что она изменилась в годы экономического кризиса, накануне прихода А. Гитлера к власти [18, с. 12]. Как отмечал в тот период Б. Ширах: «Университетской молодежи был нужен призыв вождя масс. Она была более восприимчивой к массовому гипнозу таких политических собраний, чем рабочий класс» [4, с. 372]. Поэтому можно утверждать, что в «приобщении» к национал-социалистическим идеям студенчества НСДАП преследовало весьма конкретные цели, а именно: создание надежного плацдарма среди интеллигенции для увеличения своего влияния на политической арене.

Одним из приоритетных направлений в нацистской политике было распространение антисемитских идей и борьба с еврейским «засильем» в общественной жизни рейха, особенно в среде интеллигенции. Для этого было объявлено, что евреи не могут быть носителями культуры и единственное, на что они способны, так это подражать творцам того государства, в котором проживают [5, с. 22].

Уже с 1933 г. началось постепенное вытеснение еврейского населения рейха. 1 апреля прошла акция по бойкоту магазинов, лавок и других заведений, которые принадлежали евреям. Где далеко не последнюю роль сыграли молодежные организации НСДАП. Что касается вузов, то они «очищались» от расово неполноценных и политически неблагонадежных элементов через закон «О восстановлении профессиональной государственной службы» и закон «Против переполненности немецких школ и вузов» [19, 20]. Это привело к весьма существенным потерям среди педагогических работников, ученых и студентов. Только из университетов Германии был уволен 901 сотрудник [21, S. 140]. Репрессивной политике нацистов подверглось около 45 % всех сотрудников высшей школы, если быть конкретнее, то до 1939 г., согласно внутренним спискам вузов, была проведена 1231 процедура увольнения [9, S. 257]. Общая цифра уволенных во всех высших учебных заведениях до 1945 г. составила 1684 преподавателя [1, S. 824]. Что касается студентов, то в университетах их количество уменьшилось с 98 852 в летнем семестре 1932 г. до 52 346 в 1943 г.²; общая численность студентов упала с примерно 129 000 в 1932 г. до 67 000 в 1939 г. [7, с. 377; 22, с. 68; 23, с. 28].

Далеко не последнюю роль немецкие студенты сыграли в акции «против антигерманского духа», про-

² Летний семестр 1932 – 98 852, 1933 – 88 823, 1934 – 73 111, 1935 – 57 001, 1936 – 52 581, 1937 – 44 467, 1938 – 41 069, 1939 – 40 465, в следующие два года были введены триместры, где количество колебалось от 38 000 до 37 000. С лета 1941 г. власти вернулись к делению на семестры: в летнем насчитывалось 33 970, в 1942 г. – 40 408, в 1943 г. – 52 346. Рост в последние годы был связан с увеличением набора девушек, которых в 1939 г. насчитывалось 5684, а в 1943 г. – 27 174, в 1944 – 41 210 [7, с. 377].

ходившей в мае 1933 г. по всей стране. Во время ее были сожжены десятки тысяч книг еврейских, коммунистических и других идеологически «неправильных» авторов. В данном мероприятии вузы выполняли роль агитационных площадок для активистов нацистского студенческого движения, поскольку участниками акции были в основном члены СА, Гитлерюгенд, студенческих корпораций. Показательным явилось и то, что высшие учебные заведения невольно выступали спонсорами «сжигаемых» книг, большинство которых организаторы «позаимствовали» в публичных и университетских библиотеках [3, с. 128].

Следует отметить, что использование студентов в качестве проводников ультранационалистических идей началось еще в первой половине 1920-х гг. Спекулируя популистскими темами наподобие борьбы с внутренними и внешними врагами во имя спасения Германии, «удара кинжалом в спину», большевистского или еврейского заговоров, а также пользуясь воинственностью и идеализированными представлениями, свойственными молодым людям, нацисты быстро превратили лекционные залы в свои политические трибуны. Вдобавок ко всему, агрессивная тактика борьбы с идеологическими оппонентами давала им плодотворную почву для появления «новых немецких героев-мучеников», особенно если те погибали в результате столкновений с противоборствующими партиями или арестовывались полицией. Ярким примером этого стал Б. Ширах, проведенный в 1931 г. восемь дней в одиночной камере, что в дальнейшем привело к массовым беспорядкам и сделало молодежного лидера «героем, пострадавшим за Германию» [4, с. 373, 374].

На этом роль вузов как места концентрации ультраправой молодежи и «спонсора» печатных изданий для сожжения не заканчивалась. Сразу же после прихода к власти нацистов в учебные программы университетов начали внедряться предметы с «правильным» идеологическим, политическим и попросту расистским окрасом. Речь шла о таких дисциплинах, как расовая наука, расовая гигиена, военная история, предыстория. Примерно в каждом втором университете Германии был введен курс немецкого фольклора, а до 1939 г. в 12 из 22 университетов на «старых» территориях существовали институты расовой науки [6, с. 329, 330]. Достаточно вспомнить Берлинский университет, где новоиспеченный ректор О. Фишер распорядился ввести 25 циклов лекций по расовой теории [24]. В Гейдельбергском университете курсы по национал-социалистическому мировоззрению вел известный нацистский идеолог и педагог Э. Крик¹, опубликовавший в журнале «Фольк им верден» (*Volk im Werden*) ряд статей, посвященных перестройке вузовского образования: «Новый университет», «Профессия учителя», «Наука и педагогическое образование» [25, с. 148].

Кроме всего этого пересматривались и классические предметы, Э. Леман из Тюбингенского университета призывал «Биологию – на службу национал-социализму!», в Гейдельберском Ф. Ленард внедрял «немецкую физику», заявляя, что «наука является расовой, как и любое другое творение человека, что обусловлено текущей в его жилах кровью», объявив теорию А. Эйнштейна «еврейским заговором». Также были попытки внедрения «арийской» математики и химии, но они из-за своей невразумительности и расплывчатости были и вовсе проигнорированы всеми [26, с. 488].

Если говорить о гуманитарных науках, то им отводилась роль проводника национал-социализма. Так, историю пытались превратить в науку о величии немецкой нации, в инструмент для оправдания экспансионистских мероприятий в прошлом и настоящем [6, с. 341]. Право было поставлено на службу пропаганде и разъяснению необходимости внесения изменений в действующее законодательство. Собственно, роль остальных дисциплин сводилась к тем же функциям с небольшими поправками на их специфику [7, с. 514–518].

Для внедрения «правильной» идеологии был создан Институт политической педагогики при Берлинском университете под руководством нацистского идеолога, педагога и философа А. Боймлера [26, с. 488]. Примечательно, что уже через некоторое время большинство из введенных «пронацистских» курсов были отменены из-за своей непопулярности, и только менее 5 % лекций можно было назвать нацистскими по своему содержанию [6, с. 330].

Для немецкой профессуры иррациональность и противоречивость идеологии НСДАП была слишком очевидна из-за своей грубости и слабой проработанности, поэтому не могла серьезно повлиять на методику преподавания и изучения отдельных университетских дисциплин. Так, большинство докторских диссертаций, написанных в период Третьего рейха, являлись, по сути, «ненацистскими» и лишь 15 % от их общего количества можно отнести к «нацистским» по языку и методологии [6, с. 331, 332]. При этом важно подчеркнуть, что большинство несогласных ученых попросту ушли во «внутреннюю эмиграцию», которая заключалась в максимальном дистанцировании от политической и общественной жизни. Характерным признаком научной жизни в Германии стал переход к изучению политически нейтральных тем. К примеру, в исторической науке все исследования сводились к написанию энциклопедий или трудов по отдельным историческим эпохам, где не было места нацистской идеологии. Собственно, последнее даже отмечалось службой безопасности СС в 1938 г. [6, с. 342].

Кроме попытки изменения учебных дисциплин в угоду политических предпочтений партии, со студентами и преподавателями постоянно проводилась идеологическая работа, в которой далеко не последнее место занимала пропаганда кровно-почвенных связей² и откровенного милитаризма.

¹ Данная личность примечательна еще и тем, что является одним из создателей в 1939 г. Института по изучению и ликвидации еврейского влияния на немецкую церковную жизнь. См. [25, с. 148].

² Одна из базовых теоретических доктрин национал-социализма гласила о зависимости немецкой нации от земли, на которой она проживает. Учение о крови и почве лежало также в основе идеи о «расширении жизненного пространства».

Таблица 1 – Численность преподавателей, уволенных из немецких университетов в 1933–1945 гг.¹

Университет	Количество преподавателей в зимнем семестре 1932–1933 гг. (без ассистентов)	Уволенные за 1933–1945	
		количество	в %
Берлин	797	278	34,9
Бонн	309	40	12,9
Гамбург	309	66	21,4
Гейдельберг	356	64	25
Гессен	195	27	13,8
Геттинген	253	52	20,4
Грайфсвальд	164	18	11
Кельн	250	51	20,6
Киль	222	38	17,1
Лейпциг	398	47	11,8
Марбург	186	20	10,8
Мюнстер	218	26	11,9
Тюбинген	200	8	4
Франкфурт на Майне	351	128	36,5
Халле	245	38	15,5
Всего	4358	901	20,7

Источник: [21, S. 140]

¹ Сведения в таблице приводятся на основании данных 15 университетов. Из 901 уволенного преподавателя 560 эмигрировали, 38 стали жертвами нацистской политики уничтожения, 36 покончили с собой [21, S. 143]. Только до 1938 г. из Германии эмигрировало не менее 1210 преподавателей вузов [26, с. 488].

Для решения многих экономических проблем использовалась дешевая или вовсе бесплатная рабочая сила, способом привлечения которой стало введение трудовой повинности, по окончании которой учащимся высших учебных заведений выдавалась «Тетрадь обязанностей Немецкого студенчества». В 1933 г. был введен так называемый «трудовой семестр», в течение которого 4 месяца необходимо было находиться в трудовом лагере и 2 месяца в военно-спортивном. И поскольку он особой популярностью не пользовался, то стал обязательным с 1934 г. В 1935 г. к вышеуказанному прибавилась обязательная воинская повинность, а 26 июня того же года вышел приказ о шестимесячной трудовой повинности для всех юношей в возрасте 18–25 лет. В трудовых лагерях студенты и абитуриенты выполняли работы по осушению болот, строительству дорог, вырубке лесов и др. [3, с. 36, 37]. По своей сути, это делало студентов бесплатной рабочей силой под прикрытием идей «крови и почвы». Данные мероприятия, по замыслу властей, должны были способствовать прививанию молодому поколению любви и уважения к ручному труду. Профессор Сиднейского университета С. Х. Робертс, живший в Германии в 1935–1937 гг., вспоминал по этому поводу: «Лагерь организован всецело на военной основе. Дисциплина суровая; мальчики (*молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет.* – Прим. авт.) носят униформу, как солдаты; единственное различие – в том, что они носят лопаты вместо ружей и работают на полях ... в случае чрезвычайных обстоятельств она позволяет

немедленно выставить в поле 200 тыс. обученных и хорошо организованных пехотинцев» [2, с. 379, 380].

Что касается преподавателей, то необходимо отметить, что с формированием в 1934 г. Министерства образования и принятием законов «Об увольнении и переводе преподавателей высших учебных заведений» (1935) и «Об особом правовом статусе государственных служащих, преподающих в высших учебных заведениях» (1938) весь профессорско-преподавательский состав немецких вузов превратился, по существу, в подневольных работников, которые волонтеристским образом могли переводиться на другое место работы [27, 28]. Это делалось с целью решения кадровых проблем, возникших после увольнений или вынужденной отставки педагогов, особенно в случаях, когда под угрозу ставилось чтение отдельных дисциплин. Подобным образом поступали и с неугодными режиму педагогами, которых направляли в более отдаленные университеты. Парадоксально, но в Третьем рейхе существовали даже вузы для «неугодных», где концентрировались не вполне лояльные режиму педагоги². Такую функцию выполнял, например, Боннский университет, где лишь 5 % сотрудников были «преданными нацистами», а 10 % – сочувствующим и поддерживающими НСДАП. Естественно, такое отношение не могло не влиять на лояльность представителей высшей школы к режиму [6, с. 333].

² Они открыто не противостояли режиму, поэтому у властей не было формального повода для их увольнения.

Еще одним фактором, требующим упоминания, являлась оплата труда работников сферы высшего образования, благодаря относительно высокому уровню которой (вследствие реформы 1939 г.¹) многие ученые оставались – как минимум внешне – лояльны нацистскому государству [29]. Если в 1933 г. НСДАП в технических вузах открыто поддерживало 20,6 % преподавателей, то в 1941 г. таких было уже 57 %. Например, в 1942 г. Берлинский технический университет имел 55,4 %, а университет Тюбингена 81 % сторонников партии. Это свидетельствует о том, что уже к началу войны нацистское лобби играло основополагающую роль в жизни немецких вузов [1, S. 827].

Заключение. Таким образом, с момента прихода к власти НСДАП высшее образование в Третьем рей-

хе начало превращаться в орудие нацистской пропаганды и неразрывно было связано со всей нацистской политикой в целом. При этом особое внимание партийная номенклатура уделяла распространению своих идей в молодежной среде, в том числе студенческой.

Значимым направлением деятельности высших учебных заведений, кроме непосредственной подготовки специалистов высшей квалификации, являлось распространение среди преподавателей и студентов национал-социалистической идеологии. Университеты, как и школы, превращались в инструмент распространения диктата воли нацистов. С помощью постоянной пропаганды государственные и партийные лидеры стремились создать новое поколение идеологически и политически верных чиновников, врачей, учителей и ученых, которые смогли бы в долгосрочной перспективе стать рупорами новой идеологии. Ресурсы вузов использовались и для решения более насущных проблем вроде милитаризации. Это осуществлялось через привлечение студенчества к низкоквалифицированному труду, что позволило высвободить значительную часть профессиональных рабочих и в дальнейшем перевести их на военное производство. К тому же организация трудовых лагерей для студенчества, во многом схожая с военной, служила своеобразной до-военной подготовкой. Все это в совокупности с другими реформами нацистской верхушки позволило успешно внедрить университетское сообщество в кампанию по подготовке к войне и тем самым поставило под удар само его существование в Германии.

¹ В зависимости от принадлежности к 1 или 2 группе оклад мог составлять от 7500 до 11 600 рейхсмарок в год, в некоторых случаях – до 13 600 RM для первой группы, штатных университетских профессоров и членов Берлинской академии наук. От 5 700 до 9000 RM в год, иногда до 11 600 RM, – для второй группы, совместителей и заведующих лабораториями. Оклады остальных научных сотрудников и лиц, приравненных к ним, были скромнее. Так, доценты, научные ассистенты, патологоанатомы, старшие ассистенты, главные инженеры, главные врачи, лекторы и фармацевты при университетах получали от 3400 до 7500 RM в зависимости от предметной сферы деятельности. Для сравнения, как указывает российский историк-германист О. Ю. Пленков, заработная плата рабочего составляла от 170 до 200 RM в месяц или от 2040 до 2400 RM в год при стоимости автомобиля «Опель» на середину 1930-х гг. около 1500 RM [3, с. 39].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wehler, H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte : 4 Bde. / H.-U. Wehler ; Bd. 4 : Vom Beginn des Ersten Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten, 1914 – 1949. – München : C. H. Beck, 2003. – 1173 S.
2. *Паламарчук, Е. А.* Социальная политика Третьего рейха : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / Е. А. Паламарчук. – М. : РГБ, 2006. – 672 л.
3. *Пленков, О. Ю.* Тайны Третьего Рейха. Культура на службе вермахта / О. Ю. Пленков. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. – 480 с.
4. *Кноп, Г.* За спиной Гитлера / Г. Кноп ; пер. с нем. В. Ю. Матвеев, И. Л. Паражинская – Минск : ООО «Попурри», 2003. – 592 с.: 20 л. ил.
5. *Моссе, Дж.* Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма Национал Социализма [перевод с английского] / Дж. Моссе. – М. : Центрполиграф, 2010. – 445 с.
6. *Эванс, Р.* Третий рейх. Дни триумфа: 1933–1939 / Р. Эванс ; пер. с англ. Б. Кобрицова, А. Галактионов. – М. : Астрель, 2012. – 958 с.
7. *Штолляйс, М.* История публичного права в Германии : Веймарская республика и национал-социализм / М. Штолляйс ; пер. с нем. О. Г. Субботин. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 663 с.
8. *Кунц, К.* Совесть нацистов / К. Кунц ; пер. с англ. А. Л. Антипенко. – М. : Ладомир, 2007. – 400 с.
9. *Nagel, A. C.* Hitlers Bildungsreformer: Das Reichsministerium für Wissenschaft, Erziehung und Volksbildung 1934–1945 / A. C. Nagel. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verl., 2013, 2. Aufl., – 448 S.
10. *Titze, H.* Wachstum und Differenzierung der deutschen Universitäten, 1830-1945 / H. Titze; Unter Mitarb. von H.-G. Herrlitz. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, Cop, 1995. – 572 S.
11. *Heiber, H.* Universität unterm Hakenkreuz. Teil 2. Die Kapitulation der Hohen Schulen. Das Jahr 1933 und seine Themen / H. Heiber. – München : K. G. Saur, Buch 1. 1992, – 688 S.

REFERENCES

1. *Wehler, H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte : 4 Bde. / H.-U. Wehler ; Bd. 4 : Vom Beginn des Ersten Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten, 1914 – 1949. – München : C. H. Beck, 2003. – 1173 S.
2. *Palamarchuk, E. A.* Social'naya politika Tret'ego rejha : dis. ... d-ra ist. nauk : 07.00.03 / E. A. Palamarchuk. – M. : RGB, 2006. – 672 l.
3. *Plenkov, O. Yu.* Tajny Tret'ego Rejha. Kul'tura na sluzhbe vermahta / O. Yu. Plenkov. – M. : ZAO «OLMA Media Grupp», 2011. – 480 s.
4. *Knopp, G.* Za spinoj Gitlera / G. Knopp ; per. s nem. V. Yu. Matveev, I. L. Parazhinskaya – Minsk : OOO «Popurri», 2003. – 592 s.: 20 l. il.
5. *Mosse, Dzh.* Nacizm i kul'tura. Ideologiya i kul'tura nacional-socializma Nacional Socializma [perezvod s anglijskogo] / Dzh. Mosse. – M. : Centropoligraf, 2010. – 445 s.
6. *Evans, R.* Tretij rejh. Dni triumfa: 1933–1939 / R. Evans ; per. s angl. B. Kobricova, A. Galaktionov. – M. : Astrel', 2012. – 958 s.
7. *Shtollyajs, M.* Istorija publicnogo prava v Germanii : Vejmarskaya respublika i nacional-socializm / M. Shtollyajs ; per. s nem. O. G. Subbotin. – M. : Politicheskaya enciklopediya, 2017. – 663 s.
8. *Kunc, K.* Sovest' nacistov / K. Kunc ; per. s angl. A. L. Antipenko. – M. : Ladomir, 2007. – 400 s.
9. *Nagel, A. C.* Hitlers Bildungsreformer: Das Reichsministerium für Wissenschaft, Erziehung und Volksbildung 1934–1945 / A. C. Nagel. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verl., 2013, 2. Aufl., – 448 S.
10. *Titze, H.* Wachstum und Differenzierung der deutschen Universitäten, 1830-1945 / H. Titze; Unter Mitarb. von H.-G. Herrlitz. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, Cop, 1995. – 572 S.
11. *Heiber, H.* Universität unterm Hakenkreuz. Teil 2. Die Kapitulation der Hohen Schulen. Das Jahr 1933 und seine Themen / H. Heiber. – München : K. G. Saur, Buch 1. 1992, – 688 S.

12. *Heiber, H.* Universität unterm Hakenkreuz. Teil 2. Die Kapitulation der Hohen Schulen. Das Jahr 1933 und seine Themen / H. Heiber. – München : K. G. Saur, Buch 2. 1994, – 858 S.
13. *Heiber, H.* Universität unterm Hakenkreuz. Teil 1: Der Professor im Dritten Reich. Bilder aus der akademischen Provinz. – München : K. G. Saur, 1991. – 652 S.
14. *Grüttner, M.* Studenten im Dritten Reich. Geschichte der deutschen Studentenschaft 1933 – 1945 / M. Grüttner. – München : Verlag Ferdinand Schöningh, 2000. – 566 S.
15. *Adam, U. D.* Hochschule und Nationalsozialismus. d. Univ. Tübingen im Dritten Reich / U. D. Adam. – Tübingen : Franz Steiner Verlag, 1977, – 240 S.
16. *Langewiesche, D.* Handbuch der deutschen Bildungsgeschichte : 5 Bde. / D. Langewiesche, H.-E. Tenorth ; Bd. 5 : 1918–1945. Die Weimarer Republik und die nationalsozialistische Diktatur. – München : C. H. Beck, 1989. – 471 S.
17. *Мазер, В.* Адольф Гитлер / В. Мазер ; пер. с нем. С. Э. Борич. – Минск : Попурі, 2000. – 496 с.
18. Германия: фашизм, неофашизм и молодежь / Н. С. Черкасов, Ю. В. Маковский, Г. Г. Супрыкина и др. ; под ред. Н. С. Черкасова. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1993. – 177 с.
19. Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums, vom 7. April 1933 / Reichsgesetzblatt 1933, Teil I. – Berlin : Reichsverlagsamt, 1933. – S. 175–177.
20. Gesetz gegen die Überfüllung deutscher Schulen und Hochschulen, vom 25. April 1933 / Reichsgesetzblatt 1933, Teil I. – Berlin : Reichsverlagsamt, 1933. – S. 225.
21. *Grüttner, M.* Die Vertreibung von Wissenschaftlern an den deutschen Universitäten / M. Grüttner, S. Kinas // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. – 2007. – S. 123–186.
22. *Anikeev, A. A.,* Кольга, Г. И., Пуховская, Н. Е. НСДАП: идеология, структура и функции / А. А. Аникеев, Г. И. Кольга, Н. Е. Пуховская. – Ставрополь, 2000. – 307 с.
23. *Бабина, М. С.* Высшее образование как инструмент политической власти в Третьем рейхе / М. С. Бабина // Вестник Томского государственного университета. – Томск : ТГУ. – 2016, – № 404. – С. 27–31.
24. *Беркович, Е. М.* Наука в тени свастики [Электронный ресурс] / Е. М. Беркович. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2008/5/be9.html>. – Дата доступа: 05.03.2020.
25. *Бурашников, Д. А.* Историческое знание в контексте национал-социалистической идеологии на примере творчества Эрнста Крика / Д. А. Бурашников // Вестник РГГУ; науч. журнал. Серия. Историческое науки. Всеобщая история. – М. : РГГУ, 2014. – № 13. – С. 146–156. в Москве, 2007. – 704 с.
26. *Патрушев, А. И.* Германская история: через тернии двух тысячелетий / А. И. Патрушев. – М. : Издат. дом Международного университета, 2007. – 708 с.
27. Gesetz über die Entpflichtung und Versetzung von Hochschullehrern aus Anlaß des Neuaufbaus des deutschen Hochschulwesens, vom 21. Januar 1935 / Reichsgesetzblatt 1935, Teil I. – Berlin : Reichsverlagsamt, 1935. – S. 23–24.
28. Gesetz über die besonderen Rechtsverhältnisse der beamteten Lehrer an den wissenschaftlichen Hochschulen, vom 9. April 1938 / Reichsgesetzblatt 1938, Teil I. – Berlin : Reichsverlagsamt, 1938. – S. 377.
29. Gesetz über die Besoldung der Hochschullehrer (Vierunddreißigste Ergänzung des Besoldungsgesetzes), vom 17. Februar 1939 / Reichsgesetzblatt 1939, Teil I. – Berlin : Reichsverlagsamt, 1939. – S. 252–255.
12. *Heiber, H.* Universität unterm Hakenkreuz. Teil 2. Die Kapitulation der Hohen Schulen. Das Jahr 1933 und seine Themen / H. Heiber. – München : K. G. Saur, Buch 2. 1994, – 858 S.
13. *Heiber, H.* Universität unterm Hakenkreuz. Teil 1: Der Professor im Dritten Reich. Bilder aus der akademischen Provinz. – München : K. G. Saur, 1991. – 652 S.
14. *Grüttner, M.* Studenten im Dritten Reich. Geschichte der deutschen Studentenschaft 1933 – 1945 / M. Grüttner. – München : Verlag Ferdinand Schöningh, 2000. – 566 S.
15. *Adam, U. D.* Hochschule und Nationalsozialismus. d. Univ. Tübingen im Dritten Reich / U. D. Adam. – Tübingen : Franz Steiner Verlag, 1977, – 240 S.
16. *Langewiesche, D.* Handbuch der deutschen Bildungsgeschichte : 5 Bde. / D. Langewiesche, H.-E. Tenorth ; Bd. 5 : 1918–1945. Die Weimarer Republik und die nationalsozialistische Diktatur. – München : C. H. Beck, 1989. – 471 S.
17. *Mazer, V.* Adolf Gitler / V. Mazer ; per. s nem. S. E. Borich. – Minsk : Popuri, 2000. – 496 s.
18. Germaniya: fashizm, neofashizm i molodezh' / N. S. Cherkasov, Yu. V. Makovskij, G. G. Suprykina i dr. ; pod red. N. S. Cherkasova. – Tomsk : Izd-vo Tomsk. un-ta, 1993. – 177 s.
19. Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums, vom 7. April 1933 / Reichsgesetzblatt 1933, Teil I. – Berlin : Reichsverlagsamt, 1933. – S. 175–177.
20. Gesetz gegen die Überfüllung deutscher Schulen und Hochschulen, vom 25. April 1933 / Reichsgesetzblatt 1933, Teil I. – Berlin : Reichsverlagsamt, 1933. – S. 225.
21. *Grüttner, M.* Die Vertreibung von Wissenschaftlern an den deutschen Universitäten / M. Grüttner, S. Kinas // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. – 2007. – S. 123–186.
22. *Anikeev, A. A.,* Kol'ga, G. I., Puhovskaya, N. E. NSDAP: ideologiya, struktura i funkcii / A. A. Anikeev, G. I. Kol'ga, N. E. Puhovskaya. – Stavropol', 2000. – 307 s.
23. *Babina, M. S.* Vysshee obrazovanie kak instrument politicheskoy vlasti v Tre't'em rejhe / M. S. Babina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – Tomsk : TGU. – 2016, – № 404. – С. 27–31.
24. *Berkovich, E. M.* Nauka v teni svastiki [Elektronnyj resurs] / E. M. Berkovich. – Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/neva/2008/5/be9.html>. – Data dostupa: 05.03.2020.
25. *Burashnikov, D. A.* Istoricheskoe znanie v kontekste nacional-socialisticheskoy ideologii na primere tvorchestva Ernsta Krika / D. A. Burashnikov // Vestnik RGGU; nauch. zhurnal. Seriya. Istoricheskoe nauki. Vseobshchaya istoriya. – M. : RGGU, 2014. – № 13. – S. 146–156. v Moskve, 2007. – 704 s.
26. *Patrushev, A. I.* Germanskaya istoriya: cherez ternii dvuh tysyacheletij / A. I. Patrushev. – M. : Izdat. dom Mezhdunarodnogo universiteta, 2007. – 708 s.
27. Gesetz über die Entpflichtung und Versetzung von Hochschullehrern aus Anlaß des Neuaufbaus des deutschen Hochschulwesens, vom 21. Januar 1935 / Reichsgesetzblatt 1935, Teil I. – Berlin : Reichsverlagsamt, 1935. – S. 23–24.
28. Gesetz über die besonderen Rechtsverhältnisse der beamteten Lehrer an den wissenschaftlichen Hochschulen, vom 9. April 1938 / Reichsgesetzblatt 1938, Teil I. – Berlin : Reichsverlagsamt, 1938. – S. 377.
29. Gesetz über die Besoldung der Hochschullehrer (Vierunddreißigste Ergänzung des Besoldungsgesetzes), vom 17. Februar 1939 / Reichsgesetzblatt 1939, Teil I. – Berlin : Reichsverlagsamt, 1939. – S. 252–255